

человек поступает противоестественно, «предпочитая духовной пище телесную, духовной и небесной радости — плотскую и земную, из которых первая обращает к душе, вторая же погрязает в нечистотах» (Разг., 206, 11—14).

Совершенно очевидно, что в полном соответствии с этим учением находится часто проводившаяся в сочинениях византийских авторов середины XIV в. мысль об идеале аскезы. Защита бедных, например, составляет содержание трактата Николая Кавасилы «Слово против ростовщиков»⁴. Григорий Палама, проповедовавший аскетизм, называл жадность к деньгам «горький и смертоносный яд» (Три тв., 6). Он заявлял, что золото и серебро — «земля и прах, и нет ничего презреннее этого» (Три тв., 30). В гомилии «О милосердии и благодеянии» Палама говорил, обращаясь к верующим: «Слушайте и радуйтесь, бедные и немощные, ибо вы являетесь братьями по мысли бога... Слушайте и вы, богатые, и желайте блаженнейшей нищеты»⁵. Проводя сравнение между богачом и нищим Лазарем в гомилии на Евангелие от Луки в пятую неделю, Палама подчеркивал: «Но почему бедняка господь называет по имени, а богатого выставил безыменного? Потому можно сказать, что имя нищего сего, по евангельскому выражению, вписано на небесах, а богатого и память вместе с именем изглажена оттуда и погибла» (Три тв., 32). Григорий Палама напоминает верующим, что царство небесное принадлежит беднякам (Гом. IV, 61 С). Пост и воздержание, по Паламе, являются путем к единению с богом⁶. В сочинении «О страданиях и добродетелях»⁷ этот автор утверждает, что духовная нищета должна сопровождаться смирением, уничтожающим любовь к богатству. По Алексею Макремволиту, человек, подобно Христу, должен жить в бедности, ибо это заветано божественной заповедью (Разг., 207.30; 210.31—32).

В согласии с христианской доктриной богатство оценивалось византийскими авторами негативно. Греховность богатства — одна из ведущих тем трактатов этой поры. Алчность и стяжательство (ἡ πλεονεξία, ἡ ἀπληστία. — Разг., 203.1; 207.22) суть дурные проявления человеческой природы, порождаемые обладанием богатством. Склонность к накоплению резко порицается: «И не поощряет божественная заповедь тех, кто молит бога о пище на каждый день, а сам захватывает и копит» (Разг., 210.31—33). Григорий Палама по этому поводу пишет: «И не безумен ли тот, кто из-за вещей, не могущих доставить никакой выгоды, так как жизнь человека не зависит от изобилия, из-за таких вещей бросает самое полезное (т. е. благодеяние. — М. П.)?» (Три тв., 17). По его утверждению, люди, «всегда собирая сокровища для себя, возлагают на себя бесполезную ношу, а лучше сказать — еще заживо ложатся в новоизмысленный гроб. И от того люди становятся мерзкими и воистину отвратительными, так как, выражаясь словами Давида, по причине безумия своего смердят» (Три тв., 18). Паламой порицаются те, «кто имеют сокровища и владеют ими для каждодневного потребления или стараются их приумножить» (Гом. IV, 57 D). Подобные сентенции в сочинениях византийских авторов находятся в полном соответствии с библейским «Не копите»⁸.

Идея греховности богатства обычно сочетается в текстах с мыслью о преходящем характере богатства. Обладание вещами Алексей Макремволит считает несущественным и напрасным, ибо вещь «быстро переходит от одних к другим и затем опять легко перемещается в другие [руки]» (Разг., 204, 12—13). У этого же автора мы встречаем ссылки на Еванге-

⁴ PG, 150, col. 727—750 (далее — Рост.).

⁵ PG, 151, col. 57 С. (далее — Гом. IV).

⁶ Алексей еп. Византийские церковные мистики 14-го века. (препод. Григорий Палама, Николай Кавасила и препод. Григорий Синаит). Казань, 1906, с. 31.

⁷ PG, 150, col. 1050.

⁸ Исход, 16.19—20; 12.16—33.